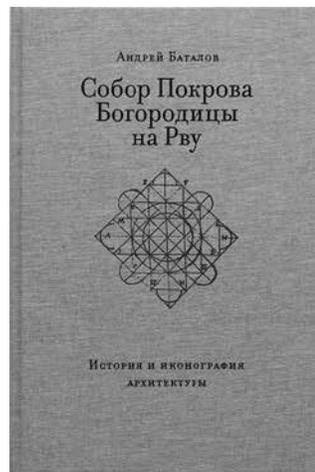

КНИГИ

Андрей Баталов
**Собор Покрова Богородицы
 на Рву: история и иконография
 архитектуры**

М.: Лингва-Ф, 2016

Леонид Беляев

В мире полным-полно памятников, о которых должно быть известно буквально все, до мельчайших подробностей. Уж, по крайней мере, это должно касаться шедевров мировой архитектуры из Списка памятников всемирного наследия ЮНЕСКО. На самом деле его эгида отнюдь не способствует аналитическому подходу: никто из серьезных исследователей по доброй воле и на милу не подойдет к такому памятнику, отлично понимая, что если взяться за него всерьез, то всей жизни окажется мало для исследования. Возможный успех потребует, в первую очередь, всесторонней профессиональной подготовки и научного опыта высочайшего уровня. Затем, готовности пожертвовать труду долгие годы. Наконец (но не в последнюю очередь), немалой смелости — чтобы не сказать дерзости.

Все это, несомненно, относится к собору Покрова на Рву на Красной площади, который мы будем в рецензии называть, по старой московской привычке, также и Василием Блаженным. Это во всех отношениях сложнее для анализа сооружение. Сложность определяется уже его известностью — человечество привыкло видеть храм на открытках и плакатах, в виртуальной рекламе и при реальных

сайт-сиингах. Это символ города, страны и «руки Москвы», визуализация национальной самоидентификации.

Такая привычность — уже мощный экран, не позволяющий добраться до сути явления. Но его усиливает бросающаяся в глаза необычность, уникальность композиции для русской архитектурной традиции, при необъяснимости ее в рамках европейского, а равно и азиатского, зодчества, лишаящая возможности апеллировать к прямым аналогам. Есть и третий усложняющий элемент, общий для культовых зданий всего мира: их невозможно изучать только в одной плоскости, составляющие взаимно проникают и путаются, мешая сосредоточиться на каком-то одном методическом подходе.

Так, понимание функции оказывается невозможно без осознания мемориальной и символической составляющей (поскольку функция обычно несводима к богослужению, даже с учетом его специфических форм). Они нераздельны с историей строительства (а у Покровского собора она донельзя запутана), которая тесно сплетена с историей появления и исчезновения престолов. И мы еще не говорим о собственно архитектуре, об анализе форм, который должен быть основан на скрупулезнейшем изучении тела памятника и видоизменений в нем при ремонтах, перестройках и реставрациях. Далее, изучение истории здания подразумевает владение источниками, а формальный анализ — погружение в художественно-архитектурные контексты национальной и иных традиций, причем значимыми оказываются не только «большие формы» и развитие архитектурной теории, но и типология мельчайших деталей конструктивного или декоративного свойства. Добавим к этому проблемы авторства и неразработанность общей хронологии раннемосковского строительства — и получим картину того информационного хаоса, который окутывает Покровский собор уже столетия.

Можно сказать, что книга Андрея Леонидовича Баталова, известного историка русского зодчества, и прежде всего XVI века, — героическое усилие привести в порядок эти подлинно «авгиевы конюшни» архитектурной историографии. И, скажу прямо, усилие чрезвычайно плодотворное.

Автору удалось осторожно, отнюдь не рубя гордые узлы, но упорно и уверенно распутывая их один за другим, привести клубок проблем в такое состояние, что дальнейшая разработка каждого из направлений становится делом по-настоящему перспективным.

Ряд старых (они же вечные и проклятые) вопросов, связанных с памятником, разрешился, так сказать, сам собой, по мере разбора фактов и отказа от лишних гипотез. Сделана и чередой открытий — прежде всего, открылись наши собственные глаза, которым предстало, наконец, здание не только прекрасное в своей сложности и непонятности, но и умопостигаемое — иными словами, пригодное для рационального анализа (в чем, правду сказать, давно возникали сомнения).

Одним из несомненных достоинств труда является создание относительно ясной системы исследовательских подходов, которая отражена в структуре книги. Поэтому перейду к ее описанию. Работа делится на шесть глав, вступление и заключение. Но стоит принять во внимание, что на самом деле глав здесь семь: введение выполняет роль «нулевой» главы, это вполне самостоятельная исследовательская часть, отведенная под общую историю изучения памятника. Тут не формальная историография с механическим перечислением дат, имен и названий. Перед нами, в свернутом виде, изложение проблематики памятника, в которой ярко заявлена и авторская позиция. Андрей Леонидович — признанный мастер историографического проблемного очерка, к тому же он чувствует себя в истории XVI века исключительно уверенно, так что введение читается на одном дыхании, это одна из самых увлекательных глав книги. В истории подходов к памятнику выделяется несколько тем, каждая из которых — камень преткновения. Такова уже периодизация строительства. Тем паче — ключевой вопрос о происхождении мастеров, от решения которого зависит угол зрения на памятник, не говоря уж о его важности в общей дискуссии о творческом методе раннемосковских зодчих, чрезвычайно политизированной на протяжении многих десятилетий. С двумя первыми прочно соединена третья проблема — поиск для Василия Блаженного места в истории русской архитектуры, который продолжался на протяжении почти двух веков. Главная из выделенных проблем — интерпретация архитектурной формы собора, определение ее содержания. Несмотря на ее академическое звучание, она злободневна, и автор не случайно вводит в эту подглавку внутреннее деление, заведомо противопоставляя два подхода — ассоциативный (романтико-фантастический) и иконографический (интерпретационно-фактологический). В первой группе оказываются ученые XIX века И. М. Снегирёв и Ф. Ф. Горностаев, за ними А. И. Некрасов, В. Л. Снегирёв, А. Г. Чиняков, М. А. Ильин, Н. И. Брунов, Н. Ф. Гуляницкий

и наши современники (М. П. Кудрявцев, И. А. Бондаренко, Майкл Флайер). Круг приверженцев иконографического подхода существенно уже и, так сказать, современнее — его открывает работа Франка Кэмпфера (полная критики ассоциативного подхода), а продолжают работы Т. Н. Вятчаниной, И. А. Бусевой-Давыдовой и самого автора¹.

В завершение введения автор обозначает направление, избранное для книги: «Перед нами стоит главная задача — определить морфологию и происхождение архитектурных мотивов, основываясь не на образном впечатлении и историографической традиции, а на историческом архитектурном контексте» (с. 37), то есть направление не описательное или отстраненно фиксирующее факты, а интерпретационное.

Более того, А. Л. подчеркивает, что работа не архитектурно-археологическая, иначе книга превратится в очерк перестроек и реставрации. Но читатель все же получит материал исследований Д. П. Сухова, Н. Н. Соболева и других реставраторов, которым автор уверенно владеет. Здесь же кратко даны и принципы критики, предполагающие интерес не к последовательности открытий, а к достоверности сложившихся представлений о первоначальном облике собора. Требуется порвать с историографической традицией, которая «на протяжении многих лет... находилась под давлением общепринятых в советской историографии схем. Они диктовали лишь определенное направление мысли — в сторону сближения этого уникального произведения с местной традицией, представление о которой базировалось на постулатах, а не на фактах и реальных постройках» (там же). Вообще, последние страницы вступления — образец искусного изложения авторского метода и задач исследования. Но я не цитирую их, чтобы побудить коллег обратиться к первоисточнику.

Эти задачи решаются в конкретно-исторических главах. Сразу отмечу, что их расстановка показательна сама по себе. А. Л. начинает не обычным путем — скажем, отталкиваясь от хронологии собора или его первичного описания. Первой главой оказывается экскурс, который смотрелся бы привычнее в археологической или природоведческой работе. Но автор давно убедился в инструментальности такого подхода — ведь он сразу ставит все исследование на почву местного

1 К этому кругу позволю причислить и себя. — Л. Б.

1. Собор Покрова на Рву. Разрез по оси север-юг (взгляд на восток)
Аксометрия В. А. Рябова

исторического ландшафта, придает ему основательность. В самом деле, как выглядело место строительства и почему именно его выбрали для закладки собора? По сути дела, этот вопрос до сих пор ставился редко, причем всегда в плоскости умозрительных ассоциаций. Но в главе не просто описан топографический локус — речь сразу идет о типологическом определении зоны перед городскими воротами, в ближнем предместье, как традиционной для обетного строительства. Автор привлекает для сравнения «компаунды» обетных церквей, сложившиеся в других городах (например, Довмонтов город Пскова), как яркие и надежные аналоги группе московских церквей «на Рву». Тем самым предлагается решение вопроса о выборе места.

Отсюда логичен переход к теме обетного строительства Ивана IV, связанного с взятием Казани. Ему посвящена вторая глава, в которой автор уводит нас далеко от Москвы, обнаруживая при этом профессиональное, глубокое владение тем особым кругом письменных источников, который связан с походами на Казань и их влиянием на традицию строительства *de voto*. Она претерпело трансформацию в середине XVI века благодаря строительству в завоеванном городе и в городах, связанных с походами и, особенно, путевыми остановками. «В церковно-археологической и краеведческой литературе авторы были склонны связывать все каменные храмы Муромы середины — второй половины XVI столетия с “казанской” программой Ивана Васильевича», — пишет А. Л., и более того: «В определенный период развития историко-архитектурной науки датировка любой каменной церкви 1552 годом (особенно если она находилась в одном из городов, где останавливался Грозный на пути к Казани или при победоносном возвращении в Москву) имела следствием ее включение в ряд обетных царских храмов» (с. 98–99). Автору приходится приложить усилия для того, чтобы верифицировать эти версии, давно проникшие в краеведческую и, отсюда, в научную литературу, отведя хотя бы самые одиозные, но оставив памятники, несомненно построенные в память победы. Этот анализ имеет самостоятельную ценность, поскольку вносит важные коррективы в народную хронологию и исторические нарративы.

В третьей главе мы возвращаемся в Москву, чтобы заняться, наконец, собственно строительством собора. Но и здесь автор приступает к нему не сразу, а надолго задерживается на площадке деревянного Троицкого храма 1554 года, который представляют только по письменным источникам. Подробно анализируется программа посвящений его престолов (прием, совершенно необходимый для построения истории собора, которым А. Л. владеет мастерски, поскольку работает в этой области уже несколько десятилетий), причем целый ряд сложившихся к настоящему времени историографических легенд уверенно отводится.

Большой подраздел посвящен и вопросам закладки каменного собора с темой «лишнего» престола, от интерпретации которой зависит определение метода строителей, заказчика и зодчего (или зодчих). Важно понять, что повлияло на освящение девятой церкви: изменение программы посвящений (если оно было) или нежелание

нарушать архитектурно-планировочный замысел. Автор, привлекая мало используемый текст из жития святителя Ионы, определяет необходимость нового дополнительного престола через событие — прибытие в Москву образа Николы Великорецкого, тем самым снимая необходимость как нумерологических конструктов, так и идеи подчинения системы посвящений архитектурному проекту.

А. Л. совершенно правильно оставляет известную свободу в интерпретации посвящений престолов великих праздников, считая притягивание их к конкретным историческим событиям делом бесполезным: «...что касается посвящений приделов Покрова Божией Матери, Святой Троицы, Входа Господня в Иерусалим и преподобного Варлаама Хутынского, то преобладает тенденция объяснять их появление конкретными событиями, но уже не столько взятия Казани, сколько жизни заказчика», — пишет он, и продолжает: «В работах исследователей проявляется стремление к гиперинтерпретации. Авторам... было недостаточно общего трансцендентного смысла праздника, им хотелось выявить точную причинно-следственную связь» (с. 123).

В той же третьей главе отведено место и вопросу о мастерах Покровского собора, хотя речь о них будет неоднократно идти позднее: здесь автору важно указать на агиографический характер источников, сообщающих пресловутые имена «Бармы и Посника».

Центральная глава книги, безусловно, четвертая, «Интерпретация архитектурных форм». В ней поднят вопрос о возможности представить первоначальный облик храма, рассмотрена его объемно-пространственная композиция, заново сделана попытка вписать ее в историю поиска схемы идеального «храма с капеллами» в Италии. Наконец, рассматриваются отдельные элементы архитектурного языка (его «морфология») — как дефиниции, позволяющие ставить вопрос об отражении в здании значительного разнообразия используемых приемов. Один за другим разбирает А. Л. Баталов спорные вопросы первоначального облика собора, такие как оригинальный или привнесенный характер небольших декоративных (карнизных) и основных (над шатрами) глав; время и характер перекрытия галерей; вопрос соотношенности звонницы с основным объемом. Подлинной новизной, однако, отличается не решение этих интересных тем. Ею полон скрупулезный анализ пространственной композиции, приводящий к выводу о глубокой продуманности и взвешенности не только общих решений объемов и фасадов, но и, что до сих пор

отрицалось, сложнейшей системы устройства интерьера, роль которого в общем замысле никогда не оценивали как значительную.

Если четвертая глава предстает как центральная в исследовании, то ее ось, в свою очередь, образует подглавка, посвященная изоощреннной композиции собора в ее связи с архитектурной теорией и, отчасти, практикой Ренессанса. Небольшой по размеру, этот раздел опирается на многолетнее изучение автором и рядом его коллег, работающих в этой области истории зодчества, возможного места Москвы в европейском художественном процессе, на всё новые обстоятельства работы итальянских мастеров. Включение Василия Блаженного в систему центричных памятников с угловыми капеллами заявлено с полной уверенностью и убедительностью. Далее его подкрепляют наблюдения над формами, часть которых представлена в завершающей «морфологической» подглавке: один за другим рассмотрены элементы, находящие аналогии в западной практике строительства. Среди них более или менее известные и раньше, вроде сложно устроенного плоского кирпичного перекрытия с «кессонами» в западном компарimente переходов. И недавно открытые или от-рефлексируемые как имеющие западное происхождение, как архитектурно-декоративные росписи шатра и апсиды церкви Покрова; приставные пинакли с коническими завершениями; муфтированные колонны; аркатуры карликовых галерей; и многие другие.

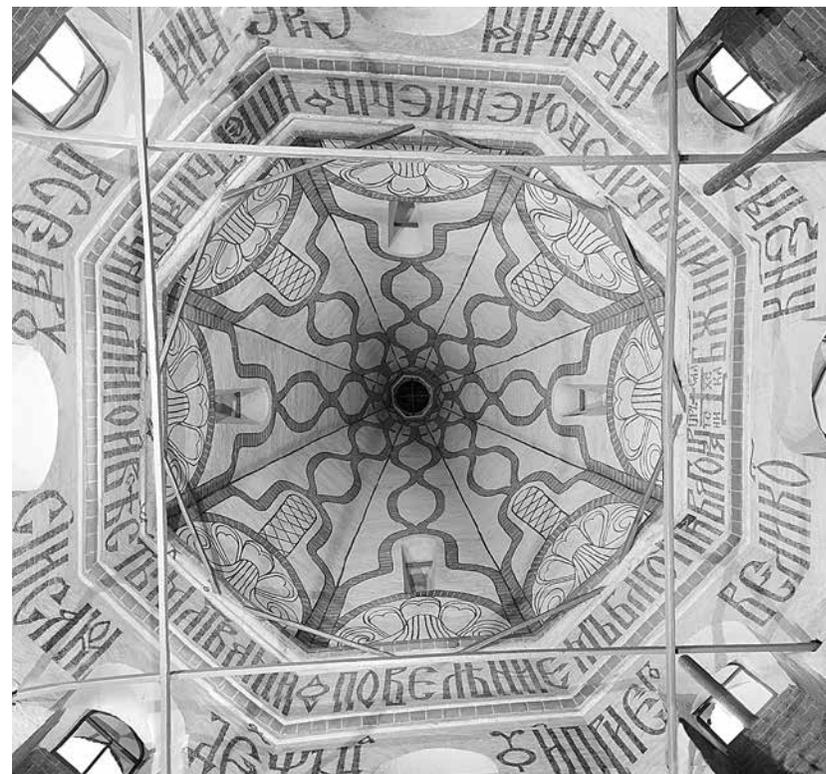
Системно построенный анализ заставляет автора высказать сомнения в местном генезисе архитектуры сооружения. «Местное происхождение мастеров Бармы и Посника позволяло... аккуратно говорить об их знакомстве с архитектурными трактатами эпохи Возрождения, откуда они могли позаимствовать идею многочастной центрической постройки». Однако представленные «композиционные и декоративные приемы... невозможно заимствовать из трактатов, так же как невозможно неожиданно изменить принципы творчества, перейдя из своей эпохи и архитектурной культуры в другую» (с. 269).

Понятно, что такая посылка требует доказательства возможно присутствия иностранных мастеров в России после окончания итало-московского периода строительства (считают, что он закончился в 1540-х годах). Этой теме посвящена пятая глава, в которой А. Л. разбирает известные сведения о попытках найма иноземцев в Европе (миссия Ганса Шлитте) и сообщения об участии западных инженеров в осаде и штурме Казани, а также об их участии (в том числе

итальянцев) в Полоцком походе 1563 года (с. 297). Углубленный анализ текстов позволяет уйти от представлений о «герметичности» Московии в середине XVI века. Что, в свою очередь, подкрепляется наблюдениями над элементами «ренессансной готики» в русском зодчестве того же периода. Проникновение ее элементов в Россию (вне зависимости от исходных пунктов и маршрута) доказывается неоспоримо, что позволяет вернуться к проблеме авторства. Ему посвящен последний подраздел главы, в котором автор относит Покровский собор к хорошо известному кругу построек, где, «в зависимости от вкуса создателя, архитектурное произведение могло приобрести либо более «готический», либо более «классический» характер» и где «готика подчинялась архитектурному мышлению Ренессанса, создававшему на ее основе принципиально новые композиции».

Только это, по мнению Баталова, может объяснить «особенности метода создания архитектурной формы, который прослеживается в соборе Покрова на Рву» как метода «комбинаторного», примененного как в широко известных соборах Милана и Болоньи, так и в массе гораздо менее значимых построек Ломбардии, где он «обретает характер определенной традиции» и где «готика играла роль местного архитектурного «предания»» (с. 322). Автор не стремится во что бы то ни стало втиснуть «мастера Покровского собора» (стоит, видимо, ввести такое понятие вместо «Бармы и Посника») в историю итальянского Ренессанса. Он апеллирует к существованию некоторой архитектурной среды в рамках Священной Римской империи и за ее пределами в Европе.

Невозможно не согласиться с выводами этой главы, сколь бы неожиданными они ни представлялись еще вчера. По крайней мере, автор рецензии готов подписаться под каждым словом замечательного вывода пятой главы А. Л. Баталова: «Архитектура Покровского собора подобна проектам из итальянских трактатов, ей свойственна ярко выраженная литературность. Как и постройки из трактатов, композиция московского храма Покрова Богородицы создана в результате сочетания разнородных мотивов, их искусственного соединения и прибавления одного к другому. Подобное сочетание выходит за границы классической архитектурной тектоники. Трудно сказать, кем по происхождению был архитектор, создавший собор, — итальянцем или немцем. Архитектурный облик собора говорит о том, что строил его не позднеготический мастер, пытавшийся освоить язык Ренес-

2. Церковь Покрова Богородицы
Роспись шатра. Фото Г. Сапожникова

санса. Напротив... этот зодчий «подчинял» себе готику. Специально для своего сооружения он разработал новый архитектурный язык. На основе романских, готических, ренессансных и местных мотивов неизвестный мастер создал никогда не существовавший до него образ. Поэтому здесь нет оснований говорить о проявлении маньеризма, характерном в том числе и для немецкого Ренессанса середины — второй половины XVI века. Мы видим отношение к архитектурной форме, продиктованное индивидуальным замыслом зодчего. Он создает совершенно новый, фантастический декор, покрывая им стены четвериков... Абсолютная свобода, которую получали мастера именно

на чужой территории, позволила автору собора реализовать на русской почве идею построения центрического многочастного здания».

После пятой главы нет особого смысла останавливаться на шестой, которая посвящена трактовке собора как образа Иерусалима — об этом много писалось автором и ранее. Укажу только, что анализ топонимов Красной площади, чинопоследования «хождения на осляти», а также сопоставление стационарного богослужения в неделю Ваий в Западной и Восточной традиции вполне фундирован, а допущение аллюзий Иерусалима при откровенно экзотическом архитектурном языке правомерно. А. Л. не обрывает свой рассказ на высоких нотах «крещендо» последних глав, но обеспечивает читателю возвращение в мир церковной этнографии и археологии, уделяя внимание и особенностям восприятия собора в церковной жизни Москвы XVI–XVII веков.

Конечно, книга, при всем ее богатстве и широте, не закрывает тему полностью (Баталов сам пишет: «...в интерпретации архитектурных форм собора нет закрытых страниц и решенных навсегда вопросов»). Напротив — благодаря ей становятся видны новые пути, углубляющие понимание хорошо знакомых нам памятников. Всех не перечислить, но укажу хотя бы несколько. Так, помещение Покровского собора на краю приречной террасы, над склоном, на который приходится выпускать огромный облицованный стилобат, сразу приводит на память постройку церкви Вознесения в Коломенском, аналогичная субструкция которой не так заметна, поскольку вписана в ландшафт, но они обе — важный архитектурно-пространственный элемент, не до конца осознаваемый при анализе.

Многие заметные и на первый взгляд странные детали, такие как украшение шатра поливной керамикой, напоминают нам о бачини — орнаментике итальянских храмов с использованием глазурованных чаш. Возможно, стоит привлечь их и для объяснения оформления портала придела Николы Велоикорецкого кирпичными кругами, взяв в аналоги южный портал второго яруса храма Гроба Господня в Иерусалиме (в «капелле франков»), также оформленный круглыми блюдами, и не забывая о более поздней их копии в аналогичном портале Воскресенского собора Нового Иерусалима. Соответственно, колокольчики и цепи из бронзы по гуртам шатра напомнят нам о сквозных металлических завершениях и роскоши куполов в маньеризме (уходящей корнями и в капризы поздней готики),

а фантазия и литературность общей композиции — об архитектуре празднеств и пиров, экзотических «макетах» для театрализованных представлений и турниров, и вообще об альбомной (и еще раз — о трактатной) бумажной архитектуре.

Столь же интересен путь от стационарного богослужения Покровского собора в пространство католических обрядов XVI века, в эпоху начинающейся Контрреформации. Ведь именно в это время францисканцы работают в Иерусалиме над актуализацией и кодификацией древней системы станций Крестного пути, начиная переносить и распространять ее в Европе, где менее чем через столетие визуализация «станций» станет обязательным элементом церковного пространства и действия. Это важно учитывать, конечно, и при анализе иерусалимской темы в восприятии собора — хотя бы в том отношении, что Василий Блаженный, если он изначально воспринимался как символическая реплика Святых мест Иерусалима, окажется одним из самых ранних «сакри монти» в Европе (обычай их постройки не восходит ранее конца XV столетия — копирование же архитектурных характеристик Гроба Господня известно с Раннего Средневековья, но это совершенно иная традиция в переносе святости).

Заканчивая рецензию, подчеркну ряд моментов. Книга основана на чрезвычайно богатом спектре разработок отдельных сюжетов, которые А. Л. готовил и публиковал на протяжении десятилетий (что, собственно, и обеспечивает фундаментальность труда). Но в то же время результат как целое отнюдь не сводим к сумме ранее доказанного. Перед нами совершенно новое и — не стоит избегать этого выражения — блестящее слово в области истории архитектуры. Результат мозгового штурма, на который решится редкий исследователь. И штурм вполне удачного: отныне мы имеем все основания видеть в соборе такой же плод совместного развития русской и европейской архитектуры, какой мы наблюдаем в церкви Вознесения в Коломенском (хотя в данном случае и более сложный по составу). Можем мы теперь, среди прочего, навсегда забыть и о «восточных коннотациях», отнеся их на счет раннего европейского ориентализма.

Итак, величайшее творение строителей и художников, работавших для правителей Московского царства в середине XVI века, нашло, наконец, адекватное толкование и, невзирая на исключительную, почти мистическую, сложность, начинает раскрываться для современного зрителя.